

Силвия Петкова =====

ОБРАЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА

Речевые действия коммуникантов могут быть направлены как на объекты внеязыковой действительности, так и на разные элементы/стороны самой речевой коммуникации. К последним, наряду с особенностями речевого кода, организацией его единиц и коммуникативными установками говорящего, следует отнести и адресата речи.

Специфика фактора адресата состоит в том, что для говорящего адресат является одновременно и элементом коммуникативной ситуации (коммуникативным партнером), и элементом внеязыковой действительности (человеческим индивидуумом). Следовательно, реализуя речевой акт обращения к собеседнику посредством его номинации, субъект речи сообщает информацию, в которой переплетаются семантические и прагматические компоненты. При этом следует подчеркнуть, что в выборе формы обращения (вокатива), подходящей для конкретной коммуникативной ситуации, прагматика доминирует над семантикой.

Как известно, учет прагматических факторов предполагает ссылку на релевантные аспекты ситуативного контекста, такие как:

а) аспекты, характеризующие участников коммуникации с точки зрения их:

- коммуникативных установок;
- межличностных отношений;
- социального статуса;

б) условия, в которых протекает коммуникация:

- тип обстановки: официальная / неофициальная, институциональная / неинституциональная;
- канал коммуникации: наличие / отсутствие визуального контакта, контактное / дистантное расположение коммуникантов.

Акт номинации адресата посредством обращения не указывает на его индивидуальные характеристики, а маркирует тип отношений, на основе которых, по мнению говорящего, должно строиться речевое взаимодействие. Необходимый тип коммуникативных отношений, называемых еще “коммуникативным коридором” [Андоньева 2004], определяется говорящим в результате учета вышеназванных прагматических параметров. Заявляя при помощи обращения о своем желании использовать тот или иной тип “коммуникативного коридора”, адресант призывает адресата к совместному осуществлению речевой интеракции на базе уже выработанного и утвердившегося в данном лингвокультурном социуме сценария.

Обращение является важным средством речевого воздействия на собеседника. Поскольку использование той или иной формы адресации мотивировано намерениями говорящего относительно сценария диалогического взаимодействия, то его можно рассматривать как “иллокутивное вынуждение” [Баранов, Крейдлин 1992] адресата построить свое коммуникативное поведение согласно заданному сценарию. По сути,

сам факт обращенности речи к какому-либо индивидууму следует рассматривать как форму воздействия на него, поскольку предполагается ответная реакция с его стороны.

Тактика речевого поведения, маркированная говорящим посредством обращения, реализуется успешно только в том случае, если адресат выбирает стратегию содействия. В стратегическом плане диалог можно уподобить игре, в которую участники вступают с разных позиций, и в ходе этой игры возможно как поддержание баланса, так и его нарушение [ср. Федорова 2005]. Динамика речевого взаимодействия, в частности, смена тактических приемов, осуществляющих намеченную речевую стратегию, обуславливает варьирование средств адресации собеседника в рамках диалогического единства.

Итак, если рассматривать текст диалога как двухуровневое образование, состоящее из собственно речевого уровня, направленного на отражение внеязыковой действительности, и метаречевого (метатекстового [А. Вежица 1978]) уровня, касающегося самого процесса речи, то обращения необходимо отнести ко второму уровню. Они обслуживают метакоммуникативный пласт метаречи, выступая в роли регуляторов вербальной интеракции.

Формы обращения не только выражают призыв к адресату и маркируют выбранный тип “коммуникативного коридора”, но и содержат информацию о самом говорящем как языковой личности. Следовательно, анализ этих единиц речи выявляет и некоторые специфические черты коммуникативного поведения представителей различных социальных групп в рамках конкретного лингвокультурного социума.

Как известно, вокативные единицы весьма неоднородны по своему лексическому составу. В формальном плане разграничиваются два больших разряда – антропонимические и неантропонимические обращения – в зависимости от принадлежности вокативной лексики к именам собственным или нарицательным.

Существенный признак неантропонимических вокативов – их релятивность. Они не являются постоянно присущими определенному субъекту, выступающему в роли адресата, а варьируются в зависимости от динамических аспектов ситуативного контекста. Именно это обстоятельство делает их столь интересными с точки зрения лингвистической прагматики.

В рамках анализа неантропонимических обращений важным представляется вопрос о способности того или иного нарицательного имени выступать в функции обращения.

Объектом данного исследования являются обращения, используемые в общении между лицами мужского пола, носителями русского языка. В частности, наше внимание привлекли особенности употребления вокативных единиц, семантически мотивированных номинациями человека по таким тривиальным признакам, как:

1. возрастно-гендерная характеристика: *мужик, ребята, старик* и др.;
2. вид межличностных отношений:
 - 2.1. родственные: *брат, братец, братан, сынок, папаша, дед* и др.;
 - 2.2. дружеские: *друг, дружок, приятель* и др.

В лексикографических источниках не всегда можно найти указания на то, что данные лексемы употребляются в речи в качестве средств адресации. Анализ соответствующих словарных статей в двух из наиболее авторитетных современных толковых словарей – Большом толковом словаре русского языка под редакцией Кузнецова (БТС) и Словаре Ефремовой (СЕ) – обнаруживает непоследовательность в отражении информации данного типа. Она может быть эксплицирована либо в виде отдельного значения (например, *дружок* 2. Ласковое обращение (к лицу мужского или женского пола) [БТС]), либо в качестве оттенка значения (например, *ребята* 2. Группа лиц мужского пола // Употребляется как обращение к группе лиц мужского пола [СЕ]).

В некоторых случаях в толковании значения не содержится информация об употреблении данной лексики как обращения, но внимательно читающий пользователь словаря может извлечь ее из иллюстративных примеров (например, в БТС к значению *ребята* 2. Разг. Молодые люди, парни приводится несколько примеров, среди которых фигурирует и пример с обращением: *Ребята, вперед!*). В других случаях, однако, информация о функционировании лексики в качестве обращения полностью отсутствует.

Так, если судить по данным БТС, можно прийти к заключению, что слово *мужик* (которое имеет значение 2. Разг.-сниж. О любом мужчине), в отличие от своего семантического коррелята *баба* (также относящегося к разговорно-сниженной лексике и противопоставленного ему лишь по гендерному признаку), не способно выступать как средство адресации. В толкованиях обоих слов нет указаний на их употребление в функции обращения, но среди иллюстративных примеров к слову *баба* фигурирует: *Шабаш, бабы! Кончай работу!*, в то время как нигде в словарной статье слова *мужик* не приводится иллюстративный материал, свидетельствующий о его принадлежности к классу вокативных единиц.

Между тем, анализ собранного нами языкового материала рисует совершенно иную картину. В результате поиска по корпусу русских анекдотов нами не было обнаружено ни одного случая употребления формы *бабы* в функции обращения, в то время как было установлено широкое употребление формы *мужики* в качестве средства адресации по отношению к группе мужчин – знакомых либо незнакомых. При этом речевой регистр характеризуется сниженностью.

Адресатами, обозначенными данным обращением, часто являются мужчины, с которыми говорящего связывает дружба (*Важнейший вопрос в кругу друзей: Мужики! Ну что, пить будем или вечер безвозвратно пропал?*) или принадлежность к общему профессиональному микросоциуму (*Начальник пожарной охраны вразвалочку, руки в карманах, заходит в комнату, где в ожидании вызова сидит бригада, и спокойно так говорит: "Мужики, давайте, собирайтесь потихоньку! Здание налоговой инспекции горит"*). Посредством использования этого вокатива говорящий подчеркивает непринужденный / неофициальный характер речевого действия, направленного на коммуникативных партнеров.

В определенных ситуативных контекстах при употреблении вокатива *мужики* для адресации незнакомых актуализируется функция ссылки на общую принадлежность к обществу “мужиков”, которые по презумпции должны проявлять мужскую солидарность, понимать друг друга и реагировать соответственно. Это видно из следующих примеров конфликтных ситуаций, в которых потерпевший посредством обращения *мужики* призывает слушающих отнестись с пониманием к его объяснениям:

1) *В Одессе на перекрестке останавливаются “Жигули”. Подходят к водителю трое:*

- *А ну, вылезай из ворованной машины!*
- *Да вы чего, мужики, это моя машина!*
- *Вылезай, вылезай! Была твоя, а теперь уже ворованная;*

2) *<Новый русский обращается к милиционерам, задержавшим его после того, как он стрелял из автомата на оживленном рынке>:*

- *Мужики! Да вы чего? У меня же разрешение есть! < ... >*

Здесь вокатив *мужики* выступает в качестве прагматического средства, при помощи которого говорящий пытается изменить развертывающийся сценарий коммуникации. Он намеревается трансформировать типичный сценарий демонстрации власти (со стороны своих контрагентов) в “более выигрышный” для себя сценарий,

основывающийся на социальной симметрии, солидарности (о социолингвистических измерениях власти и солидарности (power and solidarity) см. [Даунс 1998: 266-270]).

Что касается формы единственного числа *мужик*, то она также может употребляться как обращение, но только по отношению с незнакомому мужчине, как правило, предшествуя директивному или вопросительному речевому акту. В данном случае реализуется функция привлечения внимания адресата (апеллятивная функция) с целью обязательно получить ответную реакцию (о разных функциях обращения см. [Петкова 2005]). Приведем два отрывка из анекдотов:

- 1) – *Мужик*, дай спичку!
– *Пожалуйста.*
– *Давай уж заодно и папиросу.* <...>
- 2) *Заходит заика в бар и говорит бармену:*
– *П-п-пожалуйста, п-п-пива.*
– *Слышь, мужик, ты вроде заика?* <...>

Если адресат речи – друг или знакомый говорящего, употребление вокатива *мужик* невозможно. В таких коммуникативных ситуациях чаще всего используются антропонимические вокативные единицы или же такие обращения, как *старик* и *дружище*.

Отсутствие в толковом словаре информации об активном функционировании форм *мужик/мужики* в качестве обращения в разговорно-сниженном речевом регистре составляет проблему для носителей болгарского языка. Поскольку для ближайших семантических соответствий этих форм в болгарском языке (*мъж/мъже*) не характерна функция вокатива, болгарский пользователь словаря, не найдя в нем никаких указаний относительно этой функции, сделает вполне логичный вывод, что это правило распространяется и на русский язык.

Это еще раз подтверждает необходимость более адекватного отражения в лексикографических источниках прагматической информации, в частности, информации, касающейся наличия у словарных единиц способности выступать как средство адресации.

Оставляя в стороне функционирование рассматриваемых вокативов в рамках их прямого предназначения (*брат* по отношению к своему брату, *друг* по отношению к близкому человеку), остановимся на типичных для некоторых из них употреблениях в сфере, не свойственной их первичному значению.

В составе группы 1 выделяется вокатив *старик*, который употребляется сравнительно редко в своем прямом значении – по отношению к мужчине пожилого возраста. В таком употреблении данный вокатив расценивается как невежливый и маркирует неблизкие отношения между коммуникантами. Например:

<Незаконный торговец оружием обращается к своему новому клиенту, мужчине лет семидесяти>: – *Смотри, старик, не промахнись!* (к/ф “Ворошиловский стрелок”)

Гораздо чаще посредством вокатива *старик* или его варианта *старина* говорящий маркирует близкие отношения с адресатом. Эти слова используются в качестве фамильярно-ласковых обращений к давнему другу или приятелю и не имеют никакого отношения к возрасту коммуникантов. Об этом свидетельствует их частотность в речи молодых людей, которые обращаются так к своим сверстникам. Такое употребление воспринимается как шутливое, но тем не менее стандартное. Основная роль обращений *старик* и *старина* состоит в том, что они придают диалогу непринужденную, дружескую тональность: *Привет, старик! Как дела?; Где ты пропадаешь, старина?*

Частным случаем является использование вокатива *старик* в целях налаживания теплых, близких отношений в ситуации знакомства с ребенком. Такое употребление нам встретилось в рассказе М. Шолохова “Судьба человека”. После того, как Андрей Соколов призывает своего нового сынишку познакомиться со случайно встретившимся им рассказчиком, происходит следующий обмен репликами:

...мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил:

*– Что же это у тебя, **старик**, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?*

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно приподнял белесые бровки.

– Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные – снежки катал потому что.

Говорящий употребляет шутливо данный вокатив, превратившийся в своего рода клише в речи взрослых, с тем чтобы нейтрализовать существующую возрастную асимметрию и создать непринужденную атмосферу общения. Однако мальчик не знаком с этим речевым стереотипом и не понимает коммуникативные интенции говорящего, в результате чего возникает коммуникативная неудача.

Слово *ребята* также отличается способностью употребляться в не совсем типичной для своего первичного значения коммуникативной ситуации. В качестве первичной рассматривается его роль средства адресации: 1) группы детей (обычно школьников); 2) молодых людей, парней. Например:

1) На другой день Анастасия Дмитриевна пришла в класс пораньше и сказала ребятам так:

*– Лебедева Римма еще не приходила?.. Вот, **ребята**, пока ее нет, я хочу вас предупредить: девочка эта, может быть, много пережила... (Л.Кассиль);*

2) <Прохожий спрашивает группу парней:>

***Ребята**, здесь к метро можно пройти?*

Но наряду с этим возможно и функционирование обращения *ребята* в общении между взрослыми и даже пожилыми мужчинами, если между ними существуют неформальные, близкие отношения. Чаще всего это отношения, основывающиеся на общем прошлом, т.е. коммуниканты либо товарищи по учебе, либо вместе служили в армии, либо просто давние друзья. В таких коммуникативных условиях данный вокатив приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок, подчеркивая, что время ничуть не изменило характер тех теплых, дружеских чувств, которые связывали говорящего и адресатов в молодости. Например:

<Пожилый фронтовик обращается к группе своих товарищей на традиционной встрече ветеранов 9-ого Мая:>

***Ребята**, вы не видели Витю Кручинина? Мне надо с ним поговорить.*

Из обращений, принадлежащих к группе 2.1., следует отметить слово *брат* и его производные.

Русское обращение *брат* редко употребляется в высказываниях, которые говорящий адресует своему родному брату. (Для такой коммуникативной ситуации характерно обращение по имени). Основной контекст функционирования этого вокатива – реплики, обращенные к другу или знакомому. Например:

*Сысоев (...) семенил по зловещему берегу, исчезал во тьме, возникал вновь и наконец окликнул меня из смутной плоскодонки: "Давай тюки, Шалч!" Это восклицание прозвучало, как "Дай руку, **брат**!" (Б. Окуджава).*

Дериват этого вокатива *браток* принадлежит к разговорно-сниженной лексике и употребляется преимущественно в общении между незнакомыми мужчинами. Например:

Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика (....). Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

*– Здорово, **браток** (М. Шолохов).*

При помощи вокативов *брат* и *браток* говорящий включает адресата в свою личную сферу (об этом понятии см. [Апресян 1986]).

Особой социальной окрашенностью в современной русской речи отличается вокатив *братан*. Он характерен для речи “новых русских” и воспринимается как неотъемлемая часть их коммуникативного поведения (ср. аналогичные болгарские вокативы *брато* и *браточка*, типичные для речи членов преступных группировок). Данное производное слово существовало и до “эпохи новых русских” как ласково-фамильярный производный вариант слова *брат*, но не отличалось частотностью. Его активизация объясняется тем, что суффикс *-ан* пользуется особым уважением среди новых русских (ср. антропимы *Вован*, *Толян*, *Борян*, употребляемые в этом социальном кругу вместо немаркированных *Вова*, *Толя*, *Боря*) [Шкапенко, Хюбнер 2005: 73].

Данный вокатив употребляется как в общении новых русских между собой, так и в их репликах, адресованных представителям других социальных групп. Пр продемонструруем это на примере двух анекдотов:

1) Встречаются два новых русских. Один другого спрашивает:

*– Скажи, **братан**, а что такое “деноминация”?*

– Ну, деноминация – это когда лишние нули убирают.

– Не понял... . Это я сейчас на шестисотом езжу, а буду на шестерке, что ли?

2) Встречаются два бывших одноклассника. Один – новый русский, а другой – программист. Первый спрашивает второго:

*– Ну что, **братан**, как дела?*

– Да вот, уже почти год сижу на Яве, пишу всякие приложения.

– Ну ты крут! Впрочем, я тоже в этом году на Кипре две недели пробыл.

Обращение *братан* отличается столь яркой социальной спецификой, что часто используется в анекдотах как элемент языковой маски нового русского. В языковую маску героя анекдота входят клишированные формулы и условные сигналы, делающие героя легко узнаваемым даже в тех случаях, когда он не назван [Шмелева, Шмелев 2000]. На употреблении языковой маски (включающей в себя излюбленный вокатив *братан*, наряду с чрезвычайно частотными в речи новых русских клише *в натуре* и *ты че наезжаешь*) построен следующий анекдот:

Корреспондент спрашивает мэра Петербурга:

– Правда, что Санкт-Петербург стал криминальной столицей России?

*– Ну, ты че, **братан**, в натуре, наезжаешь! – отвечает мэр [там же].*

Информация о говорящем, которую передает вокатив в данном анекдоте, понятна лишь тем, кто обладает не только лингвистической, но и социокультурной компетенцией, что свидетельствует о необходимости изучения разнообразных форм обращения как культурно маркированных языковых единиц.

Несомненный интерес с точки зрения прагматики диалогического общения представляет и функционирование форм *братец/братцы*.

Форма ед.ч. *братец* реализует интимизирующую функцию, так как она несет оттенок фамильярности, доверительности. Иногда к нему добавляется и оттенок

снисходительно-иронического отношения к собеседнику, например: *Ты, братец, зря так со мной разговариваешь; Ну и наломал ты дров, братец*. Для данной формы вокатива не характерно употребление в препозиции к основному высказыванию, так что она не может выполнять функцию аттрактора внимания (апеллятивную функцию).

В отличие от нее, форма мн.ч. *братцы* употребляется преимущественно в начальной позиции, совмещая апеллятивную и интимизирующую функции. Например, герой юмористического рассказа М. Зощенко “Страдания молодого Вертера” использует три раза обращение *братцы*, пытаясь убедить в своей невиновности группу возмущенных граждан во главе со сторожем парка, которые твердо намерены оштрафовать его за езду на велосипеде по аллее, запрещенной для велосипедистов: *Братцы, да что вы, обалдели!?...; Братцы, я не знал, что здесь нельзя ехать...; Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь...*

В наши дни эта форма обращения употребляется преимущественно по отношению к людям того же социального круга, к которому принадлежит говорящий. В тех случаях, когда говорящий – интеллигент, данная вокативная форма используется шутливо или “цитатно” [Апресян 1988]. Например: <Сотрудник НИИ средних лет обращается к своим коллегам:> *Братцы, вы не поверите, что мне Марья Васильевна поведала!*

Для общения между незнакомыми в условиях асимметрии по возрастному признаку также характерно употребление вокативов, чья цель – сокращение социальной дистанции. Так, пожилые люди, являющиеся носителями просторечия, широко используют вокатив *сын* при адресации людей моложе себя: *Сынок, помоги мне улицу перейти!* [Земская 1979: 222]. Со своей стороны, люди молодого или среднего возраста, желающие подчеркнуть непринужденность общения с адресатом, который старше них, используют разговорно-сниженное обращение *папаша*. Этот вокатив имеет оттенок ласковой уважительности [там же], о чем свидетельствует обычно сопутствующая ему *вы*-форма: *Папаша, вам помочь?*

Вокатив *дед* может быть использован в разговорной речи в репликах, адресованных незнакомому человеку пожилого возраста. Приведем в качестве примера начало анекдота:

Старик говорит регулировщику:

– Привет, служивый, как служба?

– Здорово, дед. Служба как служба, не жалуюсь. <...>

По сравнению с возможным в данном типе ситуации обращением *старик*, которое, как было отмечено выше, расценивается как неуважительное, обращение *дед* в большинстве случаев маркирует уважительное отношение к адресату. Иногда оно может приобретать оттенок снисходительности.

В коммуникативной ситуации поиска содействия у незнакомца типично употребление вокативов *друг*, *дружище* и *приятель* (группа 2.2). Посредством данных обращений, как и в случае с вокативами *брат* и *браток*, говорящий включает адресата в свою личную сферу. Цель говорящего – сократить социальную дистанцию между собой и незнакомым, на которого он возлагает роль своего коммуникативного партнера. Сравним два высказывания, реализующие речевой акт просьбы:

(1) *Простите, закурить не найдется?*

(2) *Друг/дружище/приятель, закурить не найдется?*

В высказывании (1) отсутствует попытка сокращения социальной дистанции, говорящий делает ставку на стратегию нейтральной вежливости. В высказывании (2) говорящий выбрал иную речевую стратегию – именуя незнакомца словом, предназначенным для называния близкого человека, он рассчитывает на интимизацию, чтобы добиться желаемого перлокутивного эффекта. Обращения данной группы

сочетаются с *ты*-формой и воспринимаются как фамильярные (иногда с оттенком грубоватости) [ср. Земская 1979: 222]. Примеры: *Дружище*, не скажешь, где тут аптека?; *П приятель*, дай пятак!; Эй, *друг*, не подбросишь до центра?

Следует отметить, что вокатив *друг* редко употребляется в нейтральном речевом регистре как обращение к человеку, с которым говорящий связан дружбой. Он, как правило, встречается в репликах, отличающихся известной приподнятостью (*Не стоит предаваться унынию, друг мой!*) или иронией (*Ну что ж, спасибо, друг!* <говорящий расценивает поведение друга как предательство>). Что касается слова *приятель*, то оно вообще не используется как обращение к близкому знакомому. Только слово *дружище* одинаково активно используется как при адресации незнакомого, так и в функции маркера реально существующих близких отношений между коммуникантами. Приведем пример второго употребления: *Ах, Сеня, Сеня, до чего же я тебя люблю, как горжусь дружбой с тобой... Сенька, дружище, ведь ты меня, можно сказать, в люди вывел!* (Л. Ленч).

В заключение подчеркнем, что перевод исследования обращений из фокуса семантики в фокус лингвистической прагматики позволяет выявить важные стороны их функционирования в речи, которые до сих пор оставались незамеченными. Анализ прагматических аспектов употребления вокативных форм способствует также выяснению механизмов учета фактора адресата в процессе вербальной коммуникации в целом.

Обращение входит в разряд прагматических маркеров, реализующих речевые стратегии и тактические приемы воздействия на адресата. Оно принадлежит к основным языковым средствам, при помощи которых коммуниканты договариваются о распределении дискурсивных ролей и тех отношений, на которых строится диалоговое взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

Андоньева 2004 – *Андоньева С. Б.* Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2004.

Апресян 1986 – *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28, 1986.

Апресян 1988 – *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Вежбицка 1978 – *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. // Новое в лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

Даунс 1998 – *Downes W.* Language and Society. Cambridge, 1998.

Земская 1979 – *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

Петкова 2005 – *Петкова С.* Комуникативно-прагматични функции на обръщението в руската диалогична реч // Езикът и литературата: Методически парадигми и образователни политики. С., 2005.

Федорова 2005 – *Федорова Л. Л.* Грамматика диалога: Основные категории // Материалы международной конференции *Диалог 2005*. М., 2000.

Шкапенко, Хюбнер 2005 – *Шкапенко Т. М., Хюбнер Ф.* Русский “тусовочный” как иностранный. Калининград, 2005.

Шмелева, Шмелев 2000 – *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Клишированные формулы в современном русском анекдоте.// Материалы международной конференции *Диалог 2000*. Том 1. Теоретические проблемы. М., 2000.

СЛОВАРИ

БТС – Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С.А.Кузнецов). СПб., 1998.

СЕ – Словарь Ефремовой - *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.